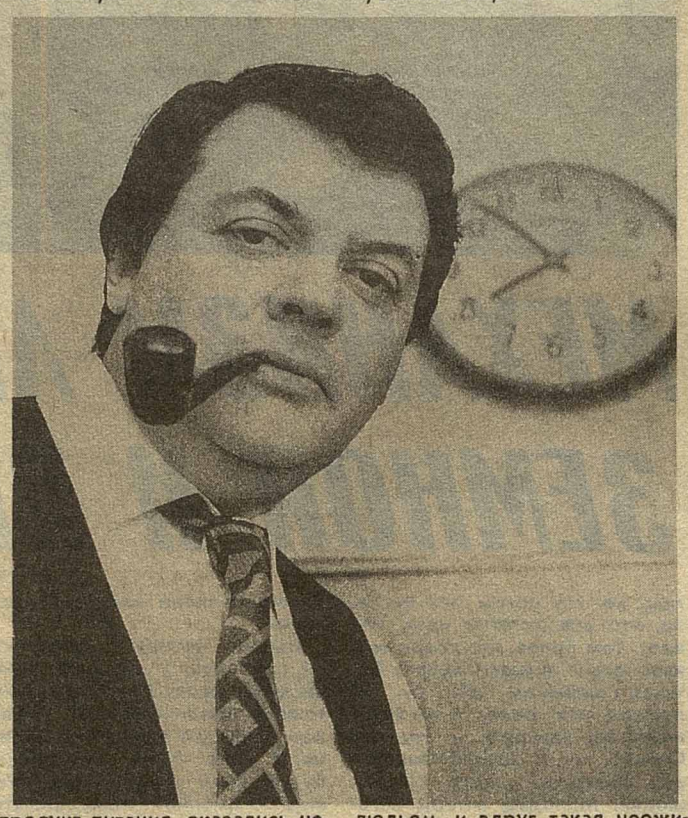
Александр ШИРВИНДТ

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ

В нынешнем году издательство «Искусство» выпускает книгу мемуаров «Былое без дум». Диалоги в ней ведут театральный критик Борис Поюровский и актер Александр Ширвиндт, фрагмент из воспоминаний которого мы с разрешения издательства предлагаем вашему вниманию.



СОВЕРШЕННО не умею стареть, а давно бы надо научиться! Раньше, когда были помоложе, жить было проще из-за отсутствия вариантов. Росли, любили, не знали, что живем в застенке, знали, что на диком Западе «Дядя Сэм». Кто это такой, я до сих пор не знаю, хотя внешне его хорошо себе представляю по рисункам Кукрыниксов. Все перевернулось! Великие Кукрыниксы на склоне лет старательно доказывали, что в основном они оформляли классику, а круглосуточные карикатуры на «тот мир» — это хобби. Сергей Михалков стал, наконец, исключительно детским писателем, и в нем вновь потекла дворянская кровь его детей. Козаков уехал в Израиль и сменил там, не зная языка, все руководство страны. И это он сделал в трезвом уме и твердой памяти, а если, не дай Бог, он сорвется и напьется, то моментально присоединит к Израилю Иерусалим, а Голанские высоты с безумных глаз отдаст Голландии.

Летом 1992 года замкнулся круг наших с Державиным гастролей по обслуживанию ограниченного контингента советских евреев в том мире. Мы побывали в Австралии — дальше евреев нет, а если на Южном полюсе и сидит на льдине какой-нибудь морозоустойчивый абориген из Черновцов, то у него нет, очевидно, ретрансляционной тарелки из Москвы, и он не знает, что Державин — муж Роксаны Бабаян... Ах! Заграница!

Она была для нас только одна — Болгария. Сегодня их уже три. Ближняя — бывшие наши республики, средняя — бывший социалистический лагерь и дальняя — настоящая и вечная мечта всех русскоязычных артистов. Сегодня, гуляя по Лос-Анджелесу, мы уже, зажмурившись, как перед прыжком с трамплина, заходим в кафе для бездомных и смело съедаем гамбургер с чашечкой мутного кофе, и ничего, не падаем в обморок, заплатив 5 долларов за завтрак, зато не падаем в голодный обморок к середине дня. Тут только ни в коем случае нельзя умножать доллары на курс рубля, а то получается, что ты выпил стакан молока с овсяными хлопьями за полторы тысячи рублей или съел за обедом мохеровую кофточку для жены, и обморочное состояние возникает непроизвольно.

То ли дело — светлые застойные времена. Запланированные за несколько лет, выбитые с трудом интригами и личными контактами редкие гастроли театра в свободный мир. Как правило, делалось это и «в порядке обмена». Мы — к ним, они за это — к нам (хотя правильнее наоборот). Ну Болгария, Чехия, Венгрия — это как отдай, но иногда случайно возникала Италия посредством мистических обстоятельств. Провинция Реджо-Эмилия вдруг оказалась прокоммунистической ориентации. Сенатор-миллионер тоже хотел коммунизма и, посмотрев тоже, естественно, случайно эпохальное произведение В. Маяковского «Клоп» в Театре сатиры, решил, что проблема обуржуазивания пролетариата крайне волнует все население Реджо-Эмилии, и этот спектакль срочно надо показать в Падуе, Болонье, Венеции и других провинциальных городках Италии. Как потом выяснилось, зрительский интерес к Маяковскому в Венеции был несколько ниже ожидаемого, но те несколько человек, которые рискнули взглянуть на Присыпкина с командой, принимали спектакль восторженно, что давало возможность газете «Советская культура» писать о триумфальном успехе наших гастролей. Сколько штук триумфаторов сидело в зале, не уточнялось, да и не в этом же дело, так как гастроли не коммерческие, а коммунист-миллионер, очевидно, шел на это. Морально было несколько тяжеловато, но... Италия, суточные и полные чемоданы тушенки и плавленых сыров выветривали грустные мысли о зрительском равнодушии. Кстати, предупреждения компетентных органов перед выездом о готовящихся провокациях, слежке, а главное, о невозможности провести через итальянскую таможню живой продукт питания, оказались несостоятельными. Насчет провокаций.

Даже обидно, до чего мы там никому не нужны, и, если не воровать в магазинах покрупному, никто на тебя внимания не обращает. Что касается продуктов питания, то действительно их пропускают в страну пребывания с неохотой, боясь инфекции. Спасает тот факт, что наши продукты питания, и особенно их упаковочная расфасовка, приводят таможенников в затруднительное недоумение. Так, например, наш замечательный баянист, впоследствии заведующий отделом МК партии, вез в футляре рядом с баяном несколько тонких черных банок шпрот. Сам по себе черный обшарпанный футляр и незнакомый инструмент в нем насторожил таможню, но, когда офицер стал осторожно извлекать из пространства между футляром и собственно инструментом одну за другой плоские черные металлические лепешки, завыла сирена. Замигало что-то... Прилетевший коллектив был моментально окружен автоматчиками — сам баянист был схвачен двумя дюжими пограничниками, а третий осторожно водил миноискателем по шпротам. Сигнала не прозвучало, и тогда главный таможенник жестами попытался спросить будущего идеолога, что это за снаряды! Будущий идеолог, в совершенстве не владея ни одним языком, также жестами пытался объяснить офицеру, что он это ест. Так как любой цивилизованный человек, взглянув на коробку шпрот, понимает, что есть это нельзя — будущего идеолога попытались арестовать. Тогда решительный солист оркестра неожиданно выхватил маленький перочинный нож, со скоростью звука привычно вскрыл банку и на глазах ошеломленной таможни этим же ножом сожрал нехитрое содержимое минообразной емкости. Главный офицер охнул, испуганно взглянул на огромный коллектив с огромными чемоданами и, махнув рукой, дал команду пропустить дикарей оптом...

Огромный двухэтажный автобус мчал прославленный театральный коллектив по осенней Италии. Было весело, бездумно, раскрепощенно... Автобус подвозил вечером прославленный коллектив к мотелю под Миланом. Огромный мотель, отдаленно напоминающий санаторий 4-го управления, был пустынно мертв осенним безлюдьем, и вдруг такая неожиданная радость — подъехал огромный автобус с людьми, и моментально вспыхнули люстры вестибюля, зажглись огни на кухне ресторана, с улицы окна первого этажа взорам изумленного прославленного коллектива стало видно, как застучали ножи в руках поваров, как забеспокоились официанты в ресторанном зале.

Коллектив готовился к выгрузке и поселению... «Киловаттники не включать! Убью!» — раздалась команда-приказ Анатолия Дмитриевича Папанова, и коллектив стыдливо потупил взоры... Дело в том, что ведерный кипятильник (в простонародье «киловаттник») уже неоднократно срывал зарубежные гастроли прославленного коллектива. Рассчитанный на огромное ведро и подключаемый, очевидно, напрямую к Днепрогэсу, он никак не влезал в эмалированные кружки, не подключался к сети даже через хитрые переходики в виде двух оголенных проводов, прикрученных на советские спички, и что самое гнусное, — замыкал электрическую сеть предохранителей любого отеля. Возили же его некоторые буйные головы исключительно из-за скорости закипания в любой емкости, куда его удавалось вводить.

Итак, прославленный коллектив прошествовал мимо услужливых портье и заискивающих метрдотелей к лифтам и, получив ключи, стал размещаться. Прошло минут шесть после приезда прославленного коллектива, и в мотеле прозвучал знакомый звук лопнувшего воздушного шарика, и настала тьма. Зашебуршившийся коллектив выполз из номеров с криками:

— Ведь предупреждали! Нельзя врубаться всем сразу... Что за жлобство!..

— Соковнин! Убью! — перекрыл весь гомон властно-гневный крик Папанова... Очевидно, Толя давно заподозрил Юрочку Соковнина в баловстве с киловаттником, и теперь прославленный коллектив во главе с Папановым на ощупь пустился на поиски гастролера-нарушителя Соковнина, чтобы изъять нагревающее средство и наказать, если удастся.

Свет дали не сразу, потому что, как выяснилось, Соковнин вырубил не сам отель, а всю фазу микрорайона. По возникновении света и некоторой стабилизации настроений те, кто ужинает без подогрева (сыр, хлеб, вода из-под крана), спустились в холл и небрежно раскинулись на креслах, ведя интеллектуальные разговоры о том, кто чего съел. В дверях ресторана стоял весь коллектив заведения, включая поваров, и с ужасом непонимания глядел на проживающих. Как! Подъехав вечером в мотель, расселившись, помывшись и спустившись в холл, ни один из 63 приехавших даже не подошел к двери ресторана и бара... «Инопланетяне!» — было написано на лицах служащих. А из-за их спин «пахло жареным», что-то кипело и бессмысленно сервировалось. Ах, гастроли застоя!

Рядом с мотелем простиралось свежеубранное поле кукурузы. Артисты утром выходили подышать свежим воздухом, делали на поле зарядку — поклоны вперед и в сторону — при одновременном собирании довольно обильного урожая кукурузы, так как даже там потери при уборке довольно велики.

Вообще, если правильно построить свой быт за границей, не упиваться собственной фанаберией, прожить можно. Милый, милый, добрый и наивный покойный Даня Каданов стеснялся, например, рыться в спаханном поле, но в парке культуры и отдыха какого-нибудь Милана, с коркой черного хлеба, сидя у фонтана, занимался небольшим change (обменом) с ручными белочками, снующими по аллеям. Аборигены кормили белочек бананами, апельсинами, грецкими орехами. Даня же, увидев в лапках белки очередной продукт, привлекал ее внимание коркой черного хлеба, которая для нее была экзотикой. Белка прыгала к Данечке на колени — тот незаметно отнимал у нее орех или надкушенный банан и ждал следующую жертву...

Прогастролировав в Италии и точно рассчитав дружеские заходы на подкормку к коллегам до последнего дня пребывания, прославленный коллектив вылетел из Милана на гастроли в Чехо-Словакию. Зная, что в самолете будут кормить, прославленный коллектив перед вылетом дожирал последние крохи, а некоторые наиболее прижимистые даже пытались дарить оставшуюся тушонку горничным отеля, очевидно, боясь, что кто-нибудь из обслуги случайно обнаружит в актерских чемоданах россыпи мыл и шампуней, собранных со всех отелей Италии. Итак, Милан — Прага! С посадкой в Цюрихе! Звучит грандиозно и мощно...

Но эта поездка в Цюрих и оказалась роковой для окончательного подрыва и без того расшатанной нервной системы труппы. Ну, во-первых, эта поездка выражалась в нескольких часах, так как прилетели мы из Милана в Цюрих утром, а рейс на Прагу был вечерний. Во-вторых, большой прославленный коллектив, как выяснилось, не влезал целиком в самолет, и десяти гастролерам надо было перекантоваться до утра в ожидании следующего рейса. Возникла тихая паника в рядах руководства и труппы. В тихом уголке под пальмой расположился «треугольник», расширенный сопровождающими коллектив лицами, и тихо обсуждал сложившуюся нелегкую ситуацию. По какому принципу оставлять на произвол судьбы и ночной свободы в стране пересадки эти 10 человек? Если по партийной принадлежности, то внешне эта команда выглядела нереспектабельно для международного аэродрома; если по смыслу, то неуправляемость актерских темпераментов на свободе тоже представляла опасность.

Пока шло совещание, сам коллектив тоже тихо бушевал. В нем кипели две страсти: проситься остаться на ночь в неизвестной Швейцарии или, поддавшись стадному страху, лететь сразу?.. После часовых мучений расширенный «треугольник» вынес соломоново решение: создать некую символическую сборную из этих десяти транзитников. Так, в ней оказались директор театра, главный дирижер, главный осветитель Намиот — легендарный театральный художник по свету, всегда ходящий по театру с таким видом, будто он придумал лампочку Ильича, а также кто-то про него сказал, что Намиот знает какой-то язык, может быть, даже и немецкий. Оставлялись пара членов партбюро из рабочих сцены, один из сопровождающих гастроли «искусствоведов» и три артиста — Миронов, Мишулин и Ширвиндт, на всякий случай, если спросят, к какой профессии относятся 10 оставшихся, и придется чего-нибудь изобразить.

Улетающий коллектив, увидев в числе оставшихся эту троицу, дико заволновался, поняв, что их в очередной раз обманули, увозя в соцлагерь на ночь раньше, а «этих» ждет в Цюрихе неслыханный разврат. Но... было поздно, и коллектив ушел на посадку.

Сбившись в привычную кучку, транзитная группа стала обсуждать свою ночную жизнь. Мнения разделились. Богемная часть оставшихся умоляла идти к пограничникам и требовать ночной визы для выхода в не менее ночной, заманчивый Цюрих. Более осторожная и идеологически подкованная часть транзитных пассажиров умоляла не суетиться, а сразу ложиться на полу под пальмами и ждать утреннего рейса. Но ложиться на пол в 7 часов вечера среди хрустального аэропорта было тоже рискованно, и поэтому пошли под руководством якобы немецкоговорящего Намиота требовать ночной визы.

Здесь должен честно сказать, что нынешнее огульное пренебрежение к сопровождающим лицам по крайней мере неинтеллигентно. Разные люди нас сопровождали, разные у них были обязанности и разные характеры и, главное, неспокойная жизнь. Без чувства юмора такая работа, мне кажется, вообще смертельная. Когда посоветовавшаяся команда решила идти к пограничникам за визами, оказалось, что милый Слава, прикрепленный к оставшимся, с усталости и волнений заснул на кресле рядом с собранием и тем самым перестал бдить. Сволочи артисты моментально нашли кусок картонки и, написав: «Славик! Мы все остались в Швейцарии!» — пошли требовать выхода на панель. Когда через полчаса эта футбольная команда с коллективной бумажкой на право выхода в Цюрих до 4 часов утра победно возвращалась к Славику, предвкушая картину встречи, глазам изумленных шутников предстал спокойно спящий Славик, у которого на груди висел наш плакат, перевернутый на другую сторону, с короткой надписью: «Я с вами!».

Учитывая, что все это происходило за очень много лет до начала шабаша гласности и вседозволенности, ответный юмор Славы выглядел мужественно...

Ночной Цюрих оказался довольно постным после Италии, и, если не считать часов и бриллиантов в витринах каждого второго магазина (а сосчитать их действительно невозможно), ночной поход несколько разочаровал команду, и мы даже досрочно вернулись в ночной аэровокзал, где движение самолетов приостановилось и шла тихая уборочная жизнь. Бесшумные пылесосы в руках элегантных лордов пытались высосать что-то из мягких ковров, тихо играла неземная музыка, и горсточка прославленного коллектива стыдливо приблизилась к единственному работающему в 3 часа ночи бару...

Решение было такое: при помощи Намиота и Кремера, которые в складчину могли чего-нибудь сказать по-немецки, просить холодной воды со льдом и запить этой водой один кекс, случайно вынесенный кем-то с рейса Милан — Цюрих. Всухую этот группенкекс съесть было невозможно, да и пить хотелось. Переговоры с барменом были долгие не из-за слабого знания немецкого языка ходоками, а из-за полного непонимания барменом смысла просьбы. Он начал предлагать любые прохладительные напитки, включая пиво и джин-тоник, но стойкие Намиот и Кремер снисходительно объясняли бармену, что валюты временно нет. Тогда бармен, сообразив, что мы транзитные пассажиры, неспешно сказал, что можно платить любой валютой. На что ходоки снисходительно объяснили, что у господ нет никакой валюты. Бармен опять не понял и спросил: откуда свалился ему на голову этот ночной табор? Ему с гордостью показали советский паспорт. Он вздохнул и сказал, что ладно, учитывая сложность ночной ситуации, он готов из сострадания и для экзотики напоить коллектив сырой водой на советские деньги. На что ходоки, ухмыльнувшись, сказали, что и советских денег ни у кого нет, так как последнюю «святую» тридцатку, разрешаемую в те годы для вывоза из Страны Советов, все давно обменяли на какую-то итальянскую мелочь. Тут бармен на глазах стал мутиться разумом, так как не мог себе представить, что в конце XX века, ночью, в центре Европы, стоят в баре 10 взрослых, более или менее прилично одетых мужчин, не имеющих ни одной монеты ни в одной валюте мира, вплоть до монгольских тугриков.

Надо оговориться, что вины в этом не было ничьей, ибо посадка в Цюрихе была вынужденная — лиры кончились, а кроны, естественно, еще не начались. Бармен ошалело оглянулся и принес на подносе 10 хрустальных бокалов со льдом. Благодарный и благородный Кремер, подмигнув коллективу, вынул из глубоких штанин заветный металлический рубль с Ильичем на фасаде и торжественно вручил бармену. Бармен осторожно взял монету, взглянул на барельеф и, с восторгом пожав Кремеру руку, воскликнул: «О! Муссолини!».

Оскорбленный коллектив расположился на водопой, одновременно приглядывая места для ночлега. Перед залеганием в кресла состоялась еще одна летучка. На повестке ночи стоял вопрос о проникновении в сортир, где дверь открывалась при помощи опускания какой-то мелкой монеты в щель. Кремер категорически отказался еще раз обращаться к бармену, и пошел один Намиот. Что он говорил бармену, осталось навсегда тайной, ибо Намиота давно нет среди нас, а бармен, очевидно, после этой ночи попал в психушку, и у него тоже правды не добьешься, но вернулся Намиот с мелкой монетой. Вторая задача состояла в том, чтобы пропустить через одну монету всех гастролеров. И тут неожиданно ярко и смело повел себя директор театра. Он сказал, что дверь эта, очевидно, на фотоэлементе, и если при первом открывании этот элемент обнаружить и перекрыть, то дверь останется открытой на любой срок, а учитывая однополый состав страждущих, стесняться тут нечего. Дверь открыли монетой моментально, обнаружили под верхней фрамугой элемент. Наиболее цепкий партийный рабочий сцены повис на двери и телом перекрыл глазок. В солдатском порядке — быстро и организованно — прошла процедура, и удовлетворенный коллектив расположился на заслуженный отдых, закончив свое путешествие по Швейцарии.